

Алексей Шерстобитов

Отец умер

«Издательские решения»

Шерстобитов А.

Отец умер / А. Шерстобитов — «Издательские решения»,

К сожалению, мы узнаем слишком поздно, насколько любим нами был человек! После того, как он покидает нас, мы до самой своей смерти вспоминаем и копим воспоминания о нем, постепенно осознавая, как дорог и бесценен был этот человек. Тебя не стало между 13.00 и 14.00 часами 30 декабря 2015 года. Мы не встретимся более здесь на земле, но ты всегда будешь жить в наших сердцах! Я горжусь и счастлив, что ты был моим отцом, и навсегда останешься примером. Царствия тебе Небесного, незабвенный родитель!

Содержание

Пролог	6
Растерянность	9
Прощальный балаган	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Отец умер Алексей Шерстобитов

© Алексей Шерстобитов, 2016

© Татьяна Азанова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начал 4 января 2016 года.

*Кончине незабвенного моего родителя
Шерстобитова Льва Георгиевича посвящается*

Моя душа не в рай стремится,
Погибель мнится на Суде,
Ведь страшен гнев, что под Десницей
Прогрохотал давно уже!
(Из стихотворения автора)

Пролог

Отец мой был необычным человеком, поэтому и отношения наши носили характер много больший, чем просто кровные узы родителя и чада. Когда-то служба его была связана с дальними, длительными командировками, тяжелыми испытаниями, великими опасностями. Когда он уезжал, то смотрел на нас будто в последний раз. Чувство это навязчиво преследовало не только меня, тогда еще ребенка, хотя на нем в том числе я и вырос, но и мамушку.

Взгляд этот, за который ему всегда, оказывается, было стыдно, – единственная его слабость, с которой он не знал, каким образом справиться. Какое-то несоответствие последних минут, в которые он шутил, превращая тяжелую, гнетущую атмосферу прощания в легкое расставание на день-два, после чего являлся всегда как праздник – с подарками и весельем.

Так и было, но не раньше, чем через полгода.

Я всегда ждал отца, не забывая о его существовании, даже когда у мамы появился кавалер. Произошло это после исчезновения родителя. Никто не хотел верить, что это серьезно, но по прошествии трех лет я, прочитав постановление суда, понял: отец признан пропавшим без вести. Это непонятное словосочетание до сих пор нервирует мое сознание, но никак не накладывается на отношение к папе.

Мне не совсем понятен этот период жизни между родителями. Мама вышла замуж, отец, появившись неожиданно для всех через пять лет после исчезновения, смыл своим появлением все выстроенное, к чему привыкла новая семья за время его отсутствия. Он смирился с обнаруженным, будто был готов ко всему заранее и даже знал гораздо больше нас самих еще во время происходящего.

Отчим в большом волнении встретил эту новость, мать еле сдерживалась, чтобы не сойти с ума, поскольку еще любила... Я же был неописуемо рад, но совсем не знал, что предпринять, поскольку наблюдал полную растерянность взрослых.

Оценив ситуацию, отец объявил о своей грядущей свадьбе, успокоив одной фразой всех присутствующих. Мне же на ухо при прощании сказал: «Ну что, сын, осталось только найти твоему папашке супругу, тогда, может быть, и правда что-то получится». Ничего не поняв и рассмеявшись, я почти сразу забыл «шутку», вспомнив о ней только сейчас – отец не был похож ни на одного мужчину, тем более на обыкновенных отцов, которые были у моих друзей и знакомых по двору, а потому никто и не мог его заменить, сколько бы для меня ни делал и как бы меня ни любил!

Мы встречались нечасто: он так же был занят, но лишь появлялось время, забирал меня с собой на две-три недели, которые становились самым счастливым временем в моей жизни. Охота, рыбалка, природа, экстремальный спорт, интересные, захватывающие поездки, всегда теплое и приятное отношение – не самые важные подробности, стержнем которых была отцовская любовь с небольшой примесью чувства вины передо мной. Этот привкус я запомнил на всю жизнь, но разгадал только после его ухода.

Отец не старался чем-то возместить, искуплением это тоже назвать нельзя. Он просто, по возможности, отдавал и себя, и все, что возможно, мне, делая это, совершенно не придавая значения причинам.

Это тоже была его особенность: отдавая или что-то делая, он жертвовал, не рассчитывая на взаимность, ничего не оставляя себе. Чувствительный человек в протянутом разглядел бы еще бьющееся его сердце с улыбкой радости от возможности сделать что-то полезное и нужное. Я сам видел и всегда удивлялся, как уходящие гости, а это были в основном его друзья детства, покидая его дом с сожалением, непременно оборачивались, смотря на него,

всегда улыбающегося и шутящего. Как говорили некоторые из них: «Да-а-а, все настоящее раздается даром, но откуда он берет это вновь?!»

Родитель мой, проводив покидавших его дом гостей пронизательным взглядом, направлял резервную энергию на других оставшихся. Казалось, никогда в нем не иссякнет притязательность и расположенность к друзьям и близким. Редко случалось, что настроение его менялось, но даже если проблема не решалась, то прежний он возвращался не позднее, чем через пятнадцать—двадцать минут.

«Настоящий» – отвечали, знавшие его, на вопрос «А какой он?», и нисколько не лукавили.

Многое можно говорить о нем, но я так и не смогу объяснить, почему считаю наши с ним отношения необычными. Может, причина в его нестандартности? Хотя и моя жизнь, как он говорил, «написана простыми красками, но в сочетаниях смешения цветов редких и непривычных». Да, именно «простыми красками», чего нельзя было сказать о его жизни. Любая картинка, даже самая простенькая из наиболее спокойного периода его существования, была настолько пестра, насыщена и, не в пример обычным и привычным, выпукла, что всегда останавливала надолго на себе взгляд обратившего на нее внимание.

С самого моего детства, я имею в виду с первой нашей встречи после его неожиданного появления, он поставил два условия незыблемости наших отношений: никогда не лгать друг другу и не пытаться мне повторять его путь.

В сущности, я так и не узнал многие подробности его жизни, хотя кое-что и открывалось со временем. Идя своей дорогой, как наставлял отец, «не ища ни в одной другой примера», я подвергал пробам близкое душе и желаемое разумом. В юности пробовал петь – читать реп, был звукорежиссером. Поступив в кулинарный техникум, по его окончании попал сразу в два итальянский ресторана, где довольно быстро поднялся по лестнице иерархии и начал не только хорошо зарабатывать, но и цениться дирекцией. Из меня правда вышел хороший повар и прежде всего потому, что я любил свою работу. По всей видимости, любовь эта оказалась не столько к работе, сколько к готовке, потому я решил поменять стезю, сохранив приятную привычку к кулинарии, и в результате оказался... в цирке.

Не подумайте, что я рвался туда или разглядел в себе новые задатки, напротив, пишущий эти строки рассматривал начало в этом балагане вполне временным занятием, пока не вышел однажды на арену, подменяя внезапно умершего... клоуна... Только тогда я обнаружил величие профессии!

Я клоун. Но не воспринимайте это однобоко. Клоунская антреприза – это самый тяжелый вид актерского мастерства. Здесь играют самые лучшие и тонкие артисты. Именно тут уровень профессионализма, его глубина и обширность взгляда вырастают до того уровня, который редко достигается в театре или кино. Это серьезная задача, ведь над одним персонажем приходится работать годами, создавая его образ, выдумывая его жизнь, играя его судьбу всего-то минуту—другую нахождения на манеже. Именно так, вжившись в им переживаемое и пережитое за всю историю его существования, естественно, только в своей голове, можно в один момент сыграть целую жизнь.

Когда вы видите разодетое, разукрашенное, скорее, больше надуманное существо, над которым смеетесь и которому аплодируете в восторге, вы наблюдаете не за мной, а за тем, кого я выдумал. Я – другой! Тут важно не спутать и не позволить слиться двум, а то и трем, в зависимости от воплощенных характеров, личностям и их легендам. Артист должен уметь оставаться артистом даже в момент выступления, но так, чтобы его не узнавали в игровом им амплуа. Над своим Йотой я тружусь уже третий десяток лет. Есть и еще двое, но они совсем еще дети...

Ребенком чувствовал себя и я, когда вспоминал об отце. Не подумайте, что я не уважал или не любил своего отчима, воспитавшего, поддерживавшего, направлявшего меня. Напро-

тив, он очень достойный человек, талантливый, любящий меня и обожающий маму, но отец, при том, что почти всегда отсутствовал большую часть моей жизни, умудрялся занимать большую часть моего сердца.

Просто принимая и не задумываясь над этим, я все время ждал, когда же наступит тот день, когда я смогу ближе познакомиться с ним, рассмотреть его в домашней суеде, в моментах, которые он тщательно скрывал, а точнее, в которые его просто не было видно.

Настало время, ознаменовалось оно моей свадьбой и впоследствии рождением моего ребенка, его внука. Своей квартиры у меня не было; мы, трое уже выросших детей, семью из которых имел только я, отчим и мама, жили в таун-хаусе под Москвой, где становилось тесновато.

Узнав о грядущем прибавлении потомства, батя, недолго думая, предложил переехать к нему или на время, или пока не надоеет, или пока он сам не покинет этот мир. В последнем случае он предоставлял свободу принятия решения мне и моей супруге.

Отказываться было глупо, хотя ему и пришлось принять несколько дипломатических ходов, чтобы убедить всех в полезности и рациональности такого шага. Таким образом, я получил возможность наблюдать, но ничего нового, кроме подтверждения прежнего, того, что мне очень в нем нравилось, не получил.

Немного пугали его железная воля, существование которой уничижало само по себе мое разгильдяйство, умение распоряжаться временем, его всепрощение. Что мне не очень нравилось, если так об этом можно говорить – его постоянная готовность к смерти. Я не сразу понял, что в нем появилось нового по сравнению с тем еще совсем молодым человеком, который помнился мне по моему детству. Впрочем, это никак не выражалось, кроме как в постоянной занятости, жажде успеть сделать все, и... молитвенных правилах, которые он никогда не бросал, иногда лишь чуть сокращая.

Отец не казался в обычном общении набожным, только изредка прорывалась у него неоспоримая необходимость сделать что-то связанное с верой. Скажем, во время поста он старался не есть пищу животного происхождения и иногда просил не накладывать запретного, делая это деликатно, не связывая с самим постом. Он всегда находил причину избежать нежелательного, когда считал это недопустимым, просто сославшись на дела или желание поиграть, погулять с внуком, доделать оставленное на вечер дело. Избегая телевизора, батя смиренно находился рядом с ним, когда этого требовала необходимость, не обращая внимания на сыплющиеся нервирующие его реплики.

Иногда он прибегал к нему, чтобы показать нашу слепоту, показывая и объясняя, каким образом легко распознать, где ложь, а где правда, существующая в любом государстве – показная, для отвлечения граждан от подобных проблем. Оказывается, просто перестать быть зомби и радоваться настоящей, пусть и немного грустной из-за окружающей лжи, жизни.

Часто мы с супругой неожиданно друг для друга ловили себя на мысли, что не видели отца несколько дней. Охваченные стыдом и переживанием о нем, бежали искать родителя и находили как ни в чем не бывало занимающимся своими и нашими делами. Он уже понимал, чем вызвано наше возбуждение, и, смеясь, любил повторять: «Что же будет, когда меня на этом белом свете заменят несколько вновь родившихся моих внуков?! Надеюсь, хоть кто-то запомнит, что я упокоился... Н-да... и нужно будет попросить нотариуса написать в завещании, чтобы меня похоронили здесь же в саду, а то потеряете...» – при этом он смеялся, напоминая, что мы наизусть уже знаем распорядок его дня и каждую минуту знаем, где его искать.

У него всегда и все действительно было просто, оказавшись не так лишь однажды – в день, когда он покинул нас навсегда...

Растерянность

Ты умер зимой, в декабре, под самый Новый год. Почему это случилось, осталось до сих пор загадкой. Как ты когда-то говорил: «Смерть не подкрадывается, не подстерегает, но приходит строго в назначенное время, часто без понятной нам причины, как нам кажется, не вовремя и, даже если мы этого ожидаем со дня на день, все равно неожиданно».

Незадолго до случившегося я слышал от тебя, что цифра 84 для тебя – это время продолжительности твоей жизни. Никогда раньше об этом разговор не заходил, но я отметил это в своем дневнике, в нем и прочитал...

Подготовив все свои дела, закончив все намеченное на сегодняшний день, ты взял ручку, блокнот, уселся удобно в кресло и начал писать, закончив четверостишьем:

«Моя душа не в рай стремится,
Погибель мнится на Суде,
Ведь страшен гнев, что под Десницей
Прогрохотал давно уже!»

Закончив и чувствуя себя великолепно, как обычно в это время, готовясь ко сну, после направился на второй этаж своей спальни, где запроектировал себе маленькую домашнюю церковь... Там я тебя и нашел...

Странно звучит, но действительно «нет пророка в своем отечестве» – так сказал Иисус Христос. Эту фразу я услышал, когда взял написанную тобой книгу. Ее хвалили, но ни я, ни кто другой из нас, кроме мамы, не читал, а потому не мог оценить по достоинству. Эту книгу ты писал для нас, своих детей, хотя, наверное, для всех, но особенно для нас, но вот мы-то и не прочитали.

Заметив издание в руках и зная, что ни строчки мною не осилено, ты и произнес эту строку из Евангелия, имея в виду, что близкие люди редко могут поверить во что-то необычное, совершенное их родственником, полагая, что знают его, представляя способности с возможностями, достаточно глубоко и подробно, а значит и его таланты.

Ты писал много, но всегда советовал читать кого угодно, только не себя, приговаривая, что таких олухов, как ты, признают только после смерти. Вот тогда и нужно будет читать с подобающим настроением...

Как я сказал, дом, в котором мы живем уже больше двадцати лет, спроектирован тобой. Он получился разноуровневый, в том смысле, что каждый последующий этаж выше предыдущего всего на пол-этажа. К этому мы не сразу привыкли, особенно к твоему кабинету, совмещенному со спальней и молельней. «Келейка», как ты ее называл, в высоту, со «вторым светом», была почти семь метров. Именно на самом верху, венчавшемся небольшим куполом, словно его поддерживая, находились окна. Других окон, привычно расположенных в стенах, не было, при том, что света было достаточно, и воздух был свеж.

Одна стенка, общая с залой – именно она была самой высокой, украшенная большим витражом, видимым и из гостиной, и из кабинета, и из церковки – это был большого размера лик Господа со «Спаса Нерукотворного». Свет из залы, проникавший туда через большие высокие окна, падал на прозрачную «картину» и находился как раз напротив аналоя уже самой домашней церкви, на котором лежало Евангелие. Перед ним был небольшой резной иконостас очень чудной, тонкой работы, по бокам светильники и подсвечники.

Эта располагалась на втором этаже кабинета-спальни, к которому вела узенькая лестница. «Второй свет» занимал половину этого маленького второго этажа, и над кабинетом, вверху, напротив стола как бы висел этот самый витраж. Объяснения «чтобы всегда быть

перед Богом, видя Его» не совсем были понятны, но они были не настойчивы, а справедливое замечание, что всему свое время, успокаивало, но даже не могло намекнуть, когда именно оно придет.

Оно пришло именно в день твоей смерти!..

Твои наставления давали плоды, и прежде чем идти искать тебя, я посмотрел на огромные угловые часы и сразу понял, где ты должен быть. Там тебя не оказалось. Ухмыльнувшись исключению, вспомнив о твоих словах, о единственно возможном только в твой последний день, я напрягся и вспомнил, где ты должен был быть до этого. Там тебя и нашел.

Мы вместе с тобой каждый день желали «доброй ночи» детям, их уже было трое, и каждому тобой всегда был приготовлен подарок, которые ты прятал. Я, кстати, не понимал, куда можно было скрыть столько всего, о чем ты говорил: «Когда придет время, я покажу вам свои богатства, они окажутся в комнате за мной»...

Сейчас, сидя в кресле напротив резного иконостаса, принимая на себя свет от люстры, проникающий сюда через этот витраж, ты напоминал какого-то мудреца, погрузившегося в глубокие думы. В руках – открытый на последней странице «Канон покаянный Спасу и Господу нашему Иисусу Христу», будто только дочитанный. Звук последней фразы еще не покинул помещения. Твой любимый халат, который ты называл пиджаком, весь расшитый и действительно по покрою пиджак, застегнутый на три пуговицы, выделял твое тело на фоне отделки кресла. Мне виделось свое дыхание и гуляющая от вздохов и выдохов грудь.

В раскрытой ладони лежал перстень неизвестного мне происхождения с голубым сапфиром и просматривающимся сквозь него белым мальтийским крестом, словно предлагаемый тобой в подарок.

Застыв на середине лестницы, я не знал, что лучше сейчас сделать, поскольку не понимал твоего состояния. Если ты в задумчивости, то мысль твоя вернется. Сейчас же прервать ее можно и даже нужно, ведь ты ждешь всегда этого момента, потому что любишь каждого внука по-своему сильно, при этом одинаково внимательно относясь ко всем.

А если ты молишься? То и прерванная молитва – не беда, всегда можно продолжить после. Но, может быть, это сон. Подумав, я понял: в любом случае нужно подойти. Мысль о твоей возможной кончине остановила – увиделось точно то, что ты предсказал о ней и как она будет выглядеть.

Работа рассудка встала. Это состояние, которое я боялся подтолкнуть, съедало время. Предпринимать что-либо не хотелось, ожидать некогда: привычный мир начал рушиться, падающими первыми кирпичиками ударяя по нервам. Большие глыбы своим обрушением отзывались толчками в середине груди и далее, по венам разлетаясь острыми осколками онемения. Артерии то разбухали и тлели от пробежавшего по ним расплавленного свинца, то слипались и убегали, как у героиновых наркоманов, внутрь съеденными от еле протискивающегося по ним мелко колотого льда.

Не знаю, сколько прошло времени, но очнулся я от прикосновения почему-то совершенно холодной руки супруги. Стоя рядом, она гладила мои волосы, что-то шептала. Мотнув головой, я услышал:

– Что с ним? Что с папой? Что-то мне совсем холодно... Он спит... может, устал?... – повернувшись, я напоролся на огромные слезы и полное понимание случившегося. Женщина, золотой мой человек... – она, наверное, думает и, прежде всего, уверяет себя, что если начать убеждать в чем-то, то это обязательно так и будет.

– Я не знаю, милая, боюсь...

– Только не это! Как мы скажем это детям, я сама не переживу... Нет, нет... не-е-ет! Ой, я расшумелась...

– Ты говоришь шепотом... Па-а-а-па-а-а... – я позвал то ли в надежде, что отзовешься, то ли потому, что что-то нужно было делать. Показалось, ты вздохнул... Мы оба услышали вдох, а вот выдоха не было... Может быть, наоборот, но что-то было!

– Ой! Он вздохнул?

– Да, что же это!.. – я было рванулся, она удержала, и вместе медленно мы приблизились. Пульс при прощупывании, казалось, был... но оказался моим. Я видел мертвецов, но ты таким не выглядел.

Упав на колени и задрал голову к расписанному куполу, я увидел Господа, Он благословлял – это обычная храмовая роспись центрального купола благословляющим «Спасом Вседержителем». Слезы собирались у век, их удобно было держать, глядя наверх. Я не хотел их, я не хотел тебя такого, хотел поменяться с тобой местами. Охватившая дрожь, скованность, неверие в произошедшее совсем остановили сознание на последней мысли. Вырвалось:

– Как ты мог?... – в голове все попуталось, я уже и сам не мог понять, кому я это адресовал – то ли Богу, то ли тебе... сил не осталось, моя голова упала тебе на грудь и залила горячим выплеском не только слез, но и эмоций.

Чтобы встать, я оперся о ручку кресла, рука соскользнула, и попала пальцами в раскрытую кисть, держащую перстень. Ладонь показалась теплой, а перстень оказался на второй фаланге моего указательного пальца.

С вопросом «Зачем?» я повернулся влево и заметил щель в стене, где всегда была резная деревянная отделка. Через приоткрытую потайную дверцу просматривалась маленькая вытянутая комнатка.

Как-то странно вспомнилась фраза, загадочно сказанная тобой еще совсем недавно: «Когда придет время, я покажу вам свои богатства, они окажутся в комнате за мной». Показалось, что это я видел раньше, но вспомнилось, что слышал:

– Невероятно, как? Папа, как ты это мог знать?

– Что, родненький мой?... – ты тоже совсем запуталась и растерялась, но, собрав всю волю в кулак, попросила помочь. Пока я переносил тебя на кровать вниз, она принесла аппарат для измерения давления – он оказался бесполезен...

Вызвав «скорую», которая констатировала только смерть, мы даже забыли о детях, которые, оказывается, все втроем тихо подсматривали, не решаясь вмешиваться. Перед уходом фельдшер набрал номер морга и, повернувшись ко мне, спросил, кивая в сторону твоего тела:

– В морг-то вести будете?

– А надо?... я... я просто не знаю, что надо.... А можно не везти?

– Хм... так-то все везут... а так, как хотите...

– А что там делают?

– Я, конечно, понимаю ваше расстройство, но вы уж соберитесь... хотя бы одни из вас должен быть в адеквате... Что делают?! Вы что, совсем того? Исследуют и определяют причину смерти, к погребению готовят, ну, там подкрашивают, чтобы на живых были похожи...

– На живых?...

– Господи! Ну и денек сегодня! То мертвые просыпаются, то вы... тут... он вот, мужчина этот...

– Да, да... отец...

– Вот именно, отец ваш, он от чего скончался? Болел чем-то?

– Да нет... Он вообще здоров был, как бык... ну, в смысле, очень крепкий, и не болел... Это... это... как-то внезапно... совсем... только к детям идти собрались...

– Вот именно, крепкий, идти собрался и умер... вдруг... Вам еще в полицию придется идти, справку о смерти делать, а это без патологоанатома никак... Ну что, вызываю?

– Да, да, спасибо вам большое...

– Спасибо... пожалуйста! Да пользуйтесь на здоровье...

– Что, простите?..

– Проехали, уважаемый, соболезную...

– Ах да, сейчас, простите... – я протянул бумажку с цифрой, его удовлетворившей вполне.

– Ну, раз так, тогда мы дождемся... А то мало ли чего... Может быть, укольчик поставить успокоительного?

– Нет, нет, благодарю вас... Все почему-то так ужасно... сразу...

– Все уходят, все. Как я понимаю, отец ваш... это у него неожиданно так...

– Да, да... неожиданно, мы даже не сразу поняли... Знаете, он словно знал, предупредил и как-то очень точно все описал заранее, будто подстроил – какая-то неудачная шутка...

– Суицид?

– Нет, нет, что вы... Он верующий... Да... по-настоящему... это... это для него неприемлемо... Нет, нет – невозможно... Мистика, мистика... И жизнь очень любил!..

Тебя забрали под какую-то расписку, спросив, куда привезти, если мы сами за тобой не приедем. Я растерялся, не соображая, как мы можем и на чем приехать за тобой. Потом понял, что за эти три дня многое придется успеть:

– Наверное, завтра сюда... так, девочка моя? – получив подтверждение у жены, продолжил:

– Наверное, здесь... я не знаю, как это положено, но... что-то читать нужно, прощаться и все такое, потом, наверное, отпевать... я право, пока не совсем владею этим вопросом... – но сюда не получилось, все вышло по-другому само собой.

Видя нашу нерешительность, фельдшер заерзал в нетерпении:

– Ну, так?.. Давайте уже, мужчина, решайтесь!

– А на что?

– Уф! Ну, народ, ни жить, ни вот этого... ничего не могут!..

– Объясните же, мне сейчас не до шуток...

– Извините, ради Бога, я ведь уже... А! Мыть его нужно, одевать во что? Не сами же вы это и то, и ва-а-аще, что будете дальше делать, кремировать или хоронить...

– Да, да... Господи! Как же это все делать-то...

– Короче, ребят, мы сейчас его увезем, аккуратненько вскроем, причину смерти определим, бумагу напишем. Вы завтра приедете, там разберемся, а-кей?

– Хорошо...

С час мы просидели за столом молча, держась за руки. Неожиданно услышали чье-то всхлипывание. Дети, увидев, что их заметили, выбежали из своего укрытия, припали к нам и все разом разревелись, совсем не понимая, в чем дело.

В эту ночь мы все спали в одной спальне, на большой, нашей с супругой, постели. Сон не шел, дрем перебивался на бред, дважды я ходил в твой кабинет, куда всегда меня сопровождала супруга.

Я вспомнил, что завтра запись на «Первом канале», потом интервью: завтра годовщина моей «Школы актерского искусства». Первый наш ребенок, уже выросший сын, тот самый, с которым мы переехали в этот дом, сегодня всю ночь будет готовить... «Да что же я! Ему-то еще не сообщили!»...

Сидя за твоим столом, я взглянул в раскрытый блокнот и увидел то самое стихотворение. Мне показалось, что так написать мог человек, пока не собирающийся покинуть этот мир и надеющийся ещё многое успеть ради своего и еще чьего-то спасения...

Прощальный балаган

Что бы мы ни нашли удобного и комфортного в этом мире, нас полностью удовлетворит только лоно могилы.
(Из дневников автора)

На следующий день я отвез одежду, туфли, еще несколько предметов, которыми ты дорожил. Отдавая, поинтересовался, нельзя ли поговорить с врачом, проводившим вскрытие:

– И хорошо бы сказать пару слов визажисту... или как правильно его зовут.

– Да как только не называют... Конечно можно... мой вам совет, молодой человек... – пока я ждал, мне подумалось: «Что они тут едят? Наверняка не закусывают... Какой я „молодой“! И это на пятом-то десятке... хотя... может быть, по сравнению с их клиентами...»

– ?..

– Делайте так, как вам посоветуют. Конечно, немного потратитесь здесь, но потом сэкономите. Да и в крематории профессионалов по этой части нет... – «Так я и знал, что будут выпрашивать деньги... Что делать – такое, все таки, один раз в жизни...»

Через пять минут в зал вышли два человека. Один оказался знакомым – он приезжал за тобой. Почему-то это не удивило. Второй вел себя как старый твой знакомый, с большим уважением говоря о тебе. Если бы не это место и сама ситуация, я подумал бы, что это хорошие твои друзья...

– Вас, молодой человек, – я пропустил это обращение мимо ушей: возможно, так здесь принято, – интересуется причина смерти? – говорящий протянул отпечатанное на плотной бумаге заключение, заверенное кем положено. Я бегло прочитал, но, не поверив написанному, посмотрел на обоих и, уже вчитываясь вторично, начал злиться:

– Позвольте!

– Что-то интересуется? Не стесняйтесь, мы все понимаем...

– Но такого не можем быть!..

– Что именно?

– Да это не может быть... так не может быть у отца...

– Разрешите... – теперь патологоанатом взялся читать, после чего утвердительно заявил:

– Родин Лев...

– Владимирович... да, так...

– Извините, вас по имени как величать?

– Илья...

– Илья Львович, видите ли, много мы и о себе сами не знаем, более того, и не подразумеваем об этом. Иной мучается от язвы желудка, а другой и не чувствует ее совсем...

– Но отек легкого, отек головного мозга – это в одночасье не происходит!

– Конечно, не происходит, но так почти всегда у лежачих пациентов...

– Вот именно! Лееежааачииих! А отец за полчаса до смерти бегал, как мальчик, и очень даже неплохие стихи написал!

– С отеком мозга?..

– И с отеком легких! – он еще раз взял заключение, пробежал глазами, извинившись, отвел в сторону второго, что-то шепнул ему. Пожав плечами, они вернулись:

– Знаете, это... в общем-то общие патологии, бывающие при удушье...

– Что такое?!

– Ну, я имею в виду, что и у Христа в легких была кровь с водой сразу после смерти... хотя, извините, это не совсем то. В общем, конечно, же это инсульт, насколько я понимаю, поза была не очень удобная, и, лишившись подвижности, тяжесть тела давила на легкие, получавшие все меньше и меньше воздуха. Он просто задохнулся. Не переживайте, прежде он как бы заснул, именно от недостатка кислорода, поэтому совсем сердце его остановилось во сне...

– Пусть так, а отек мозга вы чем объясните?

– Последствием той же патологии... То есть собственно это не тот отек мозга, что является причиной смерти, медикаментозно он убирается, если есть возможность... Ну, словом, при амбулаторном лечении и наблюдении ваш папа остался бы жив и после восстановления вел бы прежний образ жизни...

– Ничего не понял... И что теперь?

– Теперь берите справочки и в поликлинику, а затем в ЗАГС...

– С справочки?

– Я что, не по-русски говорю?..

– Но...

– Вот бумага об осмотре трупа... каким-то полицейским подписанная... вот...

– Каким полицейским?..

– Ну, не знаю, кого уж вы там вызывали... так положено... мол, нет ли причин возбуждать...

– Кого возбуждать?! Вы меня совсем запутали!.. – патологоанатом внимательно посмотрел на второго. Тот в свою очередь перевел взгляд на меня. Я, совсем растерявшись, пускал взгляд – то на одного, то на второго и, не выдержав, вспыхнул:

– Или вы мне сейчас же покажете тело, или... я не знаю, что я сделаю... – они снова переглянулись и, обратившись к друг другу, одновременно выпулили:

– Этот может! – фраза словно сняла с них маски, и я отчетливо разглядел, что они знают больше, чем могу предположить.

– Немедленно ведите...

– Илья Львович... Илья Львович, видите ли...

– Ничего не хочу слышать! Немедленно! Или я за себя не отвечаю!..

– Как хотите, но тогда без претензий... – через минуту меня подвели к металлическому столу с лежащим на нем телом, покрытым не первой свежести тканью. От увиденного я выдохнул и лишь немного погодя вспомнил, что нужно вдохнуть. Запах мне тем более не нравился. Покрутив головой, я наткнулся взглядом на пачку сигарет в руках Севы – это был мужчина, забиравший тебя. Он показал на сигареты и, вытянув из протянутой пачки одну, протянул мне.

Разломав пополам, я вставил половинки в нос. Неожиданно сам для себя перекрестился и кивнул, мол, можно...

Передо мною предстало нечто с обезображенным, каким-то совсем гладким лицом, на поверхности чего виднелись кровеносные сосуды и еще что-то, чего точно на этом месте не должно было быть.

Там, где должны быть волосы, виляя лабиринтом мозг, совсем не прикрытый ничем! Меня повело, сзади подхватили сильные руки, подо мною появился стул. Навалившийся кашель выбил из носа сигаретные затычки, подкатил ком к горлу, голова кружилась. Схватившись за стальной стол, я буквально уперся в труп. Глаза мои были закрыты и не желали открываться:

– Что это?

– Я предупреждал! Я еще не кончил...

– Я не об этом... что это?

– Э-э-это... – не оконченное вскрытие черепной коробки...

– Что вы тут... у него же лица нет...

– Оно есть, просто... просто... кожа вместе с волосяным покровом с затылка перетягивается с затылочной части... и... получается, что, вывернутая, она натягивается на лицо... Лицо под ней – не симпатично, но чтобы...

– Да чтобы... Понятно... Это он?

– Так точно... Мы все вернем на место, это обычная практика... Говорил же я, нужно запретить сюда пускать...

Свежий воздух поправил дело. Всеволод, сопровождавший меня, не умолкая объяснял, как вышло так, что оказались справки, которых никто не делал:

– Да вы не переживайте, мы иногда так делаем, за определенную плату, конечно. Но вы столько дали, что я сам решился, понимая, что вам не до того. Заехал, мы так часто делаем... заехал, отметил, все подписал... когда кремация, полиция всегда быстро подписывает...

– Понятно... но только не ясно с опухолью...

– С отеком...

– Да.

– Ну, Сергей Дмитриевич мастер своего дела, между прочим, даже ученую степень имеет...

– Понимаю. Дальше-то что?

– Поликлиника и ЗАГС... Да! Сейчас нужно оформить доставку... Куда и когда, вашего батюшку-то?...

Это я смог сказать только к вечеру, понимая, что сюрпризы только начались...

Иногда мне кажется, что вся жизнь – это один сплошной балаган. Когда я ссорюсь с супругой, она мне говорит, что так стало после моего увлечения цирком. Но это не так! Я точно знаю, что работа остается под куполом, на арене. Может, я просто больше замечаю или где-то что-то затягиваю. Может, хочу видеть этот мир, испоганенный людьми, лучше, чем он есть, но чтобы так было, нужно и в самих людях видеть только хорошее. Так не получается: рано или поздно что-то вылезает, закрывая все так тщательно мною выискиваемое.

Ты уверял, что если видеть только доброе, не замечая злого в окружающем нас пространстве, оно изменится... В общем, так и есть, но в частности... в частности это правило не действует. Я делаю, как ты – избегаю отношений с людьми, доказавшими свою неблагонадежность. Оказывается, их не так много, но почему-то они умудряются занять именно те места, через которые проходят судьбы всего мира!

Удивительно, как много за нас решают совершенно бездарные, далеко не умные, не воспитанные, не честные и наглые люди. Хотя удивительно не само устройство, а то, что им верят, видят в них спасителей, гениальных вершителей, прозорливых, добрых, заботливых.

К вечеру мне пришлось ехать на телевидение, где уже ждал старший сын. В свои двадцать он добился многого, став чересчур пронырливым в хорошем смысле этого слова, везде успевал, а главное – знал, где и когда нужно быть, что сказать, что сделать.

– Па, сегодня будут небольшие изменения в теме. Они узнали о деде, говорят, это интересно.

– Что интересно?.. Дед?

– Нууу... это вроде бы как какое-то событие, которое им интересно. Они хотят осветить. Ждут кого-то... что-то должны привезти. Издатель какой-то здесь – известная фигура, между прочим... Как ты? Деда видел?

– Сам не пойму – как всегда балаган!

– Ну, цирк, все-таки...

– Я о дедушке и всем, что с ним связано. А что они хотят-то? – очень вовремя перед глазами всплыла высоченная, почти двухметровая, барышня с большим планшетом и что-то очень быстро промямлила.

– Извините, я ничего не понял...

– Я говорю, Илья Львович, что сейчас привезут книги...

– Какие книги? И при чем здесь...

– Книги вашего отца...

– Да он всего одну написал...

– Вот те раз! Да вы что, серьезно, ничего не...

– Пап, у деда недавно вышло полное собрание сочинений...

– Чьих сочинений?

– Илья Львович, сочинений вашего отца – девятнадцать томов, плюс еще пять готовится... – я совсем перестал понимать, что происходит. Нет, я, конечно, видел отца в основном что-то пишущим, но чтобы собрание сочинений!

– Дорогая, вы не шутите?! – вместо ответа в студию галопом ворвались три крепких парня с десятком больших сумок, сразу начав из них вынимать небольшие пачки. Книги были упакованы по десять в каждой и скоро заполнили весь пол посередине студии, где обычно передвигался ведущий.

Я с любопытством взял несколько и с удивлением увидел свою фамилию на обложке – собственно, авторство было твоё, как и фамилия!

Почему ты никогда не говорил об этом? Хотя, нужно задавать вопрос по-другому: почему я никогда не спрашивал?! Наверное, ты думал, что раз я не прочитал ту самую первую книгу, то вряд ли заинтересуюсь и остальными. Какой же я глупый! Я, твой сын! Я даже не знал, чем ты занимаешься!..

Тут же появились большие плакаты на стенах, с которых ты взирал с разных ракурсов, в разных позах, в разном возрасте. Вокруг звучало только твое имя, о тебе говорили как об известном авторе, чуть ли не современном Достоевском, которого просто боготворили. Кто-то выкрикнул когда-то сказанную о Достоевском же фразу: «Новый Гоголь явился»* (...), и тут я вспомнил, что ты всегда советовал читать кого угодно, только не себя, приговаривая, что таких олухов, как ты, признают только после смерти: «Вот тогда и нужно будет читать!..»

Как же ты был прав! Я схватил первую попавшую под руку книгу, открыл посередине и сразу увлекся...

Проглотив с десяток страниц, углубившись в размышления героя – я даже не знал, что так тонко и подробно можно заглянуть в происходящее в голове главного действующего лица. Меня уже искали, и похоже, что не одну минуту.

Все та же дама, размахивая уже двумя планшетами, подлетела с горящими глазами. Увидев в моих руках раскрытую книгу и мой потерянный взгляд, попала прямо в точку:

– Что утонули в отцовском романе? Бывает... Илья Львович, мы тут вот что решили... Вы только не подумайте чего...

– А что я могу подумать, кроме того, что после смерти моего родителя мир перевернулся с ног на голову...

– Не то! Мы сегодня снимем о вашем родителе, как вы говорите... а завтра уже ваша тема, ну, та, что мы собирались делать сегодня...

– О папе?

– Да, да... вы что, с Луны, что ли, упали? Это же теемааа!

– Для меня-то да, а вот для вас... – ответа я не услышал и совсем обалдел, когда увидел свою супругу с тремя младшими, которых вели со всеми предосторожностями две незнакомые женщины.

– Бог мой, ты-то что... Как ты здесь?

– Мне сказали, что ты просил нас приехать... типа ты занят очень и просил нас привезти...

– Что-то все сошли с ума!.. – я вскочил, потребовал у первого попавшегося отвести меня к главному, в ином случае, прямо сейчас кого-нибудь убью...

Начальники появились в полном составе: две немолодые женщины, один совершенно седой мужчина и молодой человек, в котором я узнал известного телеведущего. Своими взглядами признательности, сопереживания и готовности помочь они успокоили и пообещали сделать прекрасную передачу об отце. Я попросил хотя бы немного ввести меня в курс дела. Кратенько и получилось.

Будут выступать друзья, знакомые; нам отведено особенное место в студии, выделены вопросы. Все – мы с женой и дети, главные участники; скоро доставят – кого на самолетах, кого на машинах – будет много других участников, и начнется само действие. К нам прикрепили хорошенькую девушку, оказавшуюся разумнее всех, все быстренько разложившую по полочкам, давшую перечень заготовленных вопросов, на половину из которых ответов у меня совсем не было. Она успокоила, сказав, что это нормально, для этого и везут тех, кто их имеет.

– Скажите, а кто они... ну, эти люди?

– По фамилиям я не помню, но все они хорошо знают... знали, извините, вашего папу: вот с этим вот служили вместе, вот с этим, и с этим, и с этим – это все друзья детства... Это первая супруга... Господи! Это же ваша мать!

– Обалдеть!

– Это вторая... Это... – в общем много, а вот с этими двумя он отбывал срок...

– Что, простите?

– Ну, ваш отец же сидел...

– Кто сидел?

– Отец ваш... разве нет?

– Вы что... белены объелись?!

– Секундочку... – она извинилась и, убежав на огромных шпильках, вернулась. – Ну да, сидел, пять лет... Превышение самообороны, что-то там...

– Не может быть, я о нем все знаю... – она молча протянула пачку листов. На первом были написаны мои имя и отчество. Раскрыв, я начал читать. Половину биографии отца я не знал вообще. Жизнь его действительно пестрела такими подробностями и поворотами, что с первого раза могло и не повериться. Мне думалось до этого, что и та жизнь, которую я знал, невозможно перенасыщена для нормального человека – оказалось, что бывает круче...

Читая тезисно написанный план передачи, понял: этого за один раз не рассказать. Подняв голову и увидев этот муравейник, я начал искать глазами знакомых. Жена была рядом и с интересом наблюдала за происходящим, смотря в основном в сторону наших детей, которых развлекали две девушки. Малыши были в восторге от происходящего. Я нашел несколько знаменитостей, в том числе и должных выступать в передаче со мной. Мы поздоровались издали.

Подошел полноватый мужчина в очках, показавшийся почему-то растерянным, но голос и интонации расставили все на свои места. Издатель отца, его хороший знакомый, как я понял, начал быстро рассказывать об их отношениях, длившихся уже почти три десятка лет. Очень заинтересованный в происходящем, он извинился и просил простить, объясняя, что в любом случае эта передача была бы, он только попытался придать ей оттенок некоторой рекламы. Очень удивил признанием за ним большого долга и поинтересовался, когда можно подъехать и куда будет мне удобнее для заключения контракта на издание книг отца.

Все происходящее совсем сбило меня с толку. И долг, и желание заключения каких-то договоренностей, и само собрание сочинений, да и этот развернувшийся ажиотаж – все было полно неожиданностей, первой и главной из которых, конечно же, была твоя смерть!..

Я не знаю, почему, но я не чувствовал твоего ухода – где-то глубоко будто ты сам убежал в своем возвращении. Все происходящее только подтверждало это. Я отвлекся, успокоился, забылся, правда, лишь до того момента, как в памяти возник твой труп с натянутой на лицо, вывернутой на изнанку кожей с затылка.

В глазах вновь все потемнело, помещение сузилось до глаз супруги. Ирина смотрела немного тревожно, понимая, что со мной что-то происходит. Попытавшись улыбнуться, я взял ее руку, поцеловал и, не выпуская, начал рассказывать о тебе... о нас, о том времени, когда я был совсем еще ребенком. Я совсем не заметил, как нас окружили несколько человек – среди них были два оператора с камерами, ведущий с микрофоном, та молоденькая, заботливая, разумная девушка. Именно она давала указания шепотом, мимикой и еле заметными жестами. Наверное, ей и принадлежала мысль снимать.

Минут тридцать-сорок я не умолкал, не выпускал руку матери моих детей, периодически смахивающей слезы то со своих глаз, то с моих щек. Лишь я опомнился, съемка сразу закончилась, все участники будто растворились, улетучившись в сторону аппаратной – обрабатывать материал. С нами осталась лишь женщина продюсер, пытавшаяся узнать, можно ли только снятое включить в передачу.

– А что я там наговорил?

– Ну то, что вы только рассказывали...

– Удивительно – и половину не помню...

– Дорогой, ты очень хорошо говорил, не сомневайся, мы даже плакали... – действительно, я ощущал этот эмоциональный выплеск не только у себя, но и у слушавших...

Наконец появились люди в желтых жилетках, рассаживающие всех по местам. Нас тоже подвели к своим. И начали разъяснять, каким образом все будет происходить, когда можно говорить, когда поправлять одежду или чесаться – последнее, наверное, было шуткой. Зрителей тренировали реагировать, поднимая плакаты – таблички с надписями «аплодисменты», «недовольство», «восторг» и так далее...

Напоследок к нам подводили людей, знавших лично папу, и представляли по очереди, предупреждая, что от них можно ожидать. Вскоре началась съемка, но прежде на огромных экранах пустили съемку отца двадцатилетней давности. Не знаю, что это была за передача, я ее не видел, но явно канал был православной направленности, соответствующая передача.

Как же ты хорошо говорил! О многом мы беседовали, поэтому слышимое с экранов не было новым или неожиданным, но удивляло остальных присутствовавших простотой и понятностью излагаемого. Тогда, в те года, это наверняка воспринималось не так, и все больше потому, что ты был жив. Сегодня слова звучали пророчески, потому и стали прологом...

Дома мы были к полуночи, совершенно вымотанные. Дети заснули еще в машине, на руках мы переносили их в спальни. Старший поехал с нами. Он просто находился в полушоковом состоянии от узанного. Как мало знают родственники и домочадцы о своих дедах и бабушках, как мало мы знаем своих родителей, мы и себя-то подчас, забываем, помня лишь сегодняшний день и думая о завтрашних.

Показывать снятое предполагалось уже завтра и, скорее всего, послезавтра. На последний день была назначена кремация. Пускать на неё журналистов мы однозначно отказались, сожалея, что не получится похоронить в земле: таково было твое желание.

Гостей будет много – все близкие и все любимые тобой. По виду мамы я понял, что она потеряла близкого человека, и это при том, что они уже почти пятьдесят лет не жили вместе. Удивился я и своей мысли: как только я двадцать лет назад переехал в твой коттедж,

то почти сразу ощутил себя дома! Мне сразу показалось, что именно здесь и именно с тобой прожил я всю первую половину своей жизни.

Как только мы разбрелись по комнатам, я почувствовал непреодолимую тягу в твой кабинет. Сказав об этом жене, а она чувствовала тоже самое, мы пошли, крадучись, как старые заговорщики...

У тебя было достаточно свежо. Слабый лунный свет проникал сквозь окна из-под купола, освещая расписанные ниже стены. С них смотрели архангелы, возглавляемые Господом. Мы поднялись в церковку и оказались почти в их окружении. Пахло ладаном. Я сел в кресло, где ты закончил свои дни, сделав это не задумываясь, без опасений и неприязни. Мне показалось, что оно несет в себе еще твоё тепло, содержит твой эмоциональный настрой, бывший незадолго до смерти, и, казалось, слышал голос читаемых тобой молитов, как ты их называл.

Супруга примостилась сначала на подлокотник, потом хитро сползла на колени и сразу пригелась. Мы тихо заговорили о тебе. Странно совпадали наши мысли и ощущения. Ни она, ни я – мы не ощущали твоего отсутствия, будто ты только отошел и сейчас, через минуту-две вернешься. Наверное, так бывает всегда, когда из жизни уходит человек, которого все любили и который любил всех.

Жена, попав совсем в настроение, рассказала о следующих днях после упокоения своей мамы. Она отчетливо первые три дня чувствовала присутствие ее души. А сейчас – ничего!

Поймалось то же ощущение. Мы встали, зажгли по свечке и, то ли по ошибке, то ли по желанию, поставили их на подсвечник, где всегда ставили за здоровье. Сегодня мы этого не заметили... А надо ли?

Постояв немного обнявшись, мы уже собирались спускаться, как супруга произнесла:

– Не хочу отсюда уходить... Не знаю, что-то держит... Может быть, переедем сюда? Здесь так уютно, душевно, я здесь как дома... ну, как будто я еще ребенок, а это – комната, куда меня принесли после рождения, а потом перестали пускать...

– Почему бы и нет, мне тоже приятно быть здесь... Как-то странно, здесь ничего нет из того, что могла бы оставить приходившая за кем-нибудь смерть.

– Милый, ну, ведь это же, хоть и маленький, но храм. Посмотри, здесь все говорит о том, что жизнь вечна! Мне иногда казалось, что папа уже перешел в ту жизнь...

– Да, я тоже это замечал... Надо же, он даже посидеть успел. Почему мне никто об этом не сказал? Будто это могло что-то изменить.

– Ты же слышал, так решила твоя мама, он дал ей слово... и сдержал, хотя это и внесло некоторую недоговоренность...

– Да уж, некоторые вопросы, а они, между прочим, были важными для меня, оставались до сегодняшнего дня тайной, какой-то, знаешь... что ли, тайной, которая рождала такие противные подозрения, сомнения – ненавижу себя за это... Он ведь всегда замолкал и говорил, что это так должно было быть... Это тогда очень глупо звучало, меня даже бесило такое его поведение, а он молчал и улыбался, иногда извинялся, говоря, что у каждого свои скелеты в шкафу его совести... И вообще это не скелеты... и совсем в этом нет его вины!..

– Хочу еще здесь побыть... Может, попьем чаю...

– Захотелось почитать что-нибудь. Что в этом случае читают? Не знаешь случайно?

– Заходила сегодня днем именно для этого... Почитала... Вон та книжечка маленькая... Ага... Акафист...

– «О единовременно усопшем...» Ох, ох, ох... Как это все... Иди, конечно, дорогая, что-то я по тебе сегодня соскучился. Тебя не хватало... Когда все успеть? Сегодня еле успел на представление...

– Как ты с таким настроением еще играешь?

– Не поверишь! Сегодня как никогда, будто отец рядом был... Сам плакал и смеялся одновременно, даже grim потек... Иди, мой ангел...

– А тебе налить?

– Хорошо бы... – она ушла, я остался. Положив маленькую книжечку сбоку Евангелия на аналой, начал читать незнакомые предложения. Странно, все было понятно и очень к месту. Там было не только об отце, но и обо мне... И это тоже было к месту и вовремя...

Где-то посередине текста я настолько проникся написанным, что начал про себя возмущаться. Почему нас всего этого лишили?! Это прекрасные тексты, продуманные, глубочайшие по мысли и наставлениям. Они обращают к главному, направляя внутрь себя, учат видеть прежде хорошее, противопоставляя действенное злу. Эти слова объясняют чуть ли не все мироустройство, разясняя твою жизнь, ее смысл и смысл после ухода из нее.

Как же они облегчают душу – хотя бы тем, что ты ощущаешь, что все-таки еще многое можешь сделать для покинувшего этого мир! Верните их нам, возвращая с детства, превращая в навык, когда поможет ощутить и принять Истину...

Супруга вошла, когда я заканчивал. Маленький подносик лег ей на колени. Она тихонечко сопела – я чувствовал, что еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Мои слезы, хоть и редкие, также не сдерживались. Казалось, мы оба слышали, как ты подхватываешь их, не давая упасть на пол. Я все еще ждал твоего возвращения – маленькая слабость, которую каждый в свое время позволяет себе.

Я сел рядом с креслом, на толстый ковер. Вместе с чаем моя любимая женщина принесла маленькую рюмочку черешневой наливки, приятной густотой пахнущую на всю комнату. Я перекрестил, как делал всегда ты, и выпил. Жидкость, разлившись приятной негой, распространилась по всему телу, в конце концов обняв изнутри все мое существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.